

той любовью, которой не имѣемъ даже на землѣ. Это наше вторженіе въ небесный міръ, есть, дѣйствительно, слѣпота наша. Болѣе скажу: **окаянство** наше.

Человѣкъ грѣха ненавидитъ судъ Божій, ненавидитъ правду Творца, справедливость Отца Небеснаго. Онъ знаетъ, что эта правда его судить, его обличаетъ, и подъ видомъ высоты своей любви онъ поносить, порочить правду евангельскую; невѣломую даже ангеламъ.

Человѣкъ покорности Богу — другой человѣкъ. Онъ, въ прахъ склоненный передъ тайнами Божиими, открытыми въ Евангеліи, весь сгораетъ въ Богъ, въ серафимовомъ пламени покорности и любви къ Отцу свѣтовъ (не какого-нибудь одного свѣта, но всѣхъ свѣтовъ, всѣхъ справедливостей, всей любви). Этотъ человѣкъ подлинно евангельски готовъ возненавидѣть святымъ отверженіемъ не только самого себя, но и всѣхъ «близкихъ своихъ» — всѣ близкія мысли и чувства свои, которыя только подойдутъ къ нему, какъ жена Іова, и скажутъ: «Ты уже твердь въ непорочности (цѣльности вѣры) своей... похули Бога и умри... «Ты гово-

ришь какъ одна изъ безумныхъ», отвѣтилъ такой человѣкъ своей женѣ, своей душѣ, «неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злого не будемъ?»

Пусть никогда никакой христіанинъ ни однимъ помысломъ не сопоставляетъ свою правду съ Божіей, открытой въ Евангеліи. Это сопоставленіе есть безуміе, есть гордость, есть жестоковѣйность.

Если непонятны человѣку нѣкоторыя истины и откровенія, пусть не отрицаетъ онъ ихъ. Если непонятны «вторая смерть» (Откр. 20, 14), пусть не отрицаетъ второй смерти, иначе онъ сдѣлается ея причастникомъ. «Если кто отниметъ что отъ книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни и въ святомъ градѣ, и въ томъ, что написано въ книгѣ сей» (Откр. 22, 19). Величайшая святыня — слово Божіе. Изъ устъ Его — исходитъ мечъ (Откр. 1, 16), пронзающій всѣ вѣка и всѣ души. Да будетъ благословенно имя Господне, имя Единаго Благословеннаго вѣвѣки.

Иеромонахъ Іоаннъ.

Берлинъ.

Смерть Жуковскаго.

(Изъ книги Л. Кобылинскаго - Элліса: «В. А. Жуковскій, его личность, его жизнь и творчество»).

При разсмотрѣніи жизненнаго эпилога и смерти Жуковскаго передъ нами встаетъ цѣлая трагедія, и становится яснымъ, почему умирающій христіанинъ Жуковскій имѣетъ еще больше правъ на званіе «мистика и учителя», чѣмъ Жуковскій-человѣкъ и писатель.

На немъ проявилась тайна мистической смерти, состоящей въ отмираніи физическаго тѣла, какъ орудія души, при повы-

шеніи жизни самой души, ибо сознаніе умирающаго въ извѣстной степени освободилось уже отъ своего физическаго и органическаго покрова.

Рѣдко возвышенное впечатлѣніе производитъ состояніе больного, медленно умирающаго 69-тилѣтняго, совершенно ослѣпшаго старика, тѣло котораго лежитъ безсильно и беспомощно распластанное отъ ревматизма, падагры и душевныхъ

потрясеній, въ то время какъ его творческая личность выявляетъ тѣмъ болѣе высокую дѣятельность. Почти чудомъ кажется то обстоятельство, что въ два послѣдніе года его земной жизни Жуковскій достигъ той высоты творчества въ смыслѣ инициативы и самостоятельности, какой ему въ извѣстномъ смыслѣ не хватало во всю его жизнь. Если уже въ 1850 году было замѣтно повышение въ немъ духовной жизни, то еще гораздо болѣе изумляетъ въ немъ повышение внутренней мистической и поэтической силы, выявленной въ «Агасферъ», лебединной пѣснѣ Жуковского, послѣднемъ сочиненіи умирающаго эпика. Ученіе Жуковского о покорности Провидѣнію нашло лучшее примѣненіе на смертномъ его ложѣ. Онъ и тутъ повторилъ свое любимое изреченіе: «все въ жизни есть къ лучшему средство». Онъ шутилъ надъ своей слѣпотой, сравнивая себя съ своимъ поэтическимъ прообразомъ — Гомеромъ.

Его переходъ въ иную жизнь произошелъ безъ потери довѣрія къ Богу, и его душа, уже давно обращенная къ небу послѣ возврата въ небесную отчизну близкихъ ему вѣчно любимыхъ душъ, крѣпла и прояснялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе становилось тѣло. «Удивительно, — писалъ онъ тогда, — черезъ 2 дня послѣ моего заболѣванія въ моей душѣ повысилось поэтическое настроеніе, я взялся за то сочиненіе, первые стихи котораго я написалъ 10 лѣтъ тому назадъ. Идея этого сочиненія оставалась до тѣхъ поръ въ моей душѣ въ необработанномъ видѣ, и вдругъ закипѣла работа, какъ бы сама собой: все вытекало изнутри. Случай приводилъ ко мнѣ людей, которые мнѣ читали все, что мнѣ было нужно, и чего я самъ уже не могъ читать. То, что я писалъ съ закрытыми глазами, мой слуга читалъ мнѣ потомъ вслухъ и исправлялъ по моему указанію». Слепой писатель

былъ принужденъ диктовать даже письма. Эти послѣдніе его письма были, главнымъ образомъ, обращены къ молодымъ, много общавшимъ русскимъ писателямъ; онъ благословлялъ, подбодрялъ и училъ ихъ. Онъ призналъ, на примѣръ, талантъ молодого Майкова значительнымъ, вдохновлялъ А. фонъ деръ Бригге, побуждая его къ переводу классиковъ, давалъ совѣты Гоголю, находившемуся въ то время въ Палестинѣ и приславшему Жуковскому краткое описаніе Святой Земли.

Уже съ 1848 года Жуковскій сталъ заниматься религіозными вопросами, онъ изучалъ по русскимъ и западнымъ источникамъ исторію первохристіанства, переводилъ Новый Заветъ, поддерживалъ переписку въ 1852 г. — съ отцомъ Иоанномъ Базаровымъ, русскимъ священникомъ, главнымъ образомъ на тему о новонайденной греческой рукописи «Краткое ученіе вѣры православной церкви» и объ объясненіи видѣній «Откровенія» св. Иоанна въ духѣ преданій восточной церкви.

Такъ готовился онъ къ переходу въ иной міръ. Вѣсть объ ужасной смерти Гоголя была для Жуковского знаменіемъ скорого прощанія съ жизнью. Послѣднее письмо Жуковского къ Плетневу — 5-го марта 1852 г. — преисполнено глубокой печали и нѣжнѣйшаго сочувствія. «Его настоящимъ призваніемъ было монашество», — писалъ Жуковскій, прозрѣвая всю трагедію послѣдняго поединка писателя съ мистикомъ въ душѣ Гоголя. — Между тѣмъ, пробилъ и его часъ.

Въ февралѣ 1852 года Жуковскій пригласилъ къ себѣ изъ Штутгарта своего друга, православнаго русскаго священника Иоанна Базарова, чтобы вмѣстѣ съ семьей принять изъ его рукъ Святыя Дары Евхаристіи. Седьмого апрѣля, въ понедѣльникъ Фоминой недѣли, явился въ Бадень-Бадень этотъ добрый сердцемъ, глубокой

вѣрующій и умный священникъ и засталъ Жуковского въ постели. Царило грустное молчаніе. Жена Жуковского и дѣти были полны тревожнаго предчувствія. Преданный отецъ Іоаннъ остался на ночь у Жуковского и на другое утро, въ 11 часовъ, вошелъ тихо въ комнату больного. Жуковский сказалъ ему: «Видите, въ какомъ я состояніи, совсѣмъ сломанъ, ни одной мысли въ головѣ». Умный отецъ Іоаннъ отвѣтилъ вопросомъ: «Если Самъ Господь соизволяетъ посѣтить васъ, что вы можете сказать? Или вы Ему отвѣтите, что васъ нѣтъ дома?» Потрясенный этимъ вопросомъ старикъ заплакалъ. Священникъ же продолжалъ: «Въ священномъ таинствѣ надо различать два случая: иногда приходитъ человекъ къ Нему съ покаяніемъ въ душѣ, дабы найти съ Нимъ примиреніе, иной же разъ Онъ Самъ приходитъ къ человеку и призываетъ его лишь раскрыть сердце». «Такъ приведите же ко мнѣ Святого Гостя!» — воскликнулъ Жуковский, все еще плача. Потомъ, взявъ за руку жену и указавъ на священника, онъ сказалъ: «Онъ, посредникъ Божій, хочетъ привести ко мнѣ, недостойному, Господа. Какъ счастливъ буду я имѣть Его въ себѣ...». Рѣшено было на слѣдующій день причастить больного. Жуковский совсѣмъ успокоился. Онъ сталъ рассказывать отцу Іоанну о своей работѣ, показывалъ ему дрожащей рукой историческія таблицы и бумаги, Жена просила его не переутомляться, на что онъ возразилъ: «Другъ мой, чего еще заботиться объ этомъ тлѣнномъ трупѣ. Душа самое важное». На другой день, 9-го апрѣля, онъ жаловался, что его заботитъ вопросъ о томъ, что будетъ съ семьей безъ него. Отецъ Іоаннъ спросилъ его, твердо ли онъ вѣритъ въ Провидѣніе Божье. «Да, вѣрю, — отвѣчалъ больной, заливаясь слезами. — Ахъ, эта жизнь, эта жизнь пустая...», — шепталъ онъ плача. При-

шли дѣти. Онъ вмѣстѣ съ ними прочелъ «Отче нашъ», потомъ исповѣдался и принялъ съ трепетнымъ смиреніемъ Святое Причастіе. Дѣти послѣдовали его примѣру. Тогда его печаль вдругъ исчезла, лицо его просвѣтлѣло, онъ воскликнулъ, обращаясь къ дѣтямъ: «Дѣти, дѣти мои, Господь здѣсь съ вами. Онъ пришелъ къ намъ. Онъ сейчасъ въ насъ. Радуйтесь, любимые!». Сладкій сонъ, сонъ счастливо дремлющаго ребенка, успокоилъ его. Десятаго апрѣля онъ почувствовалъ себя лучше и началъ говорить о своемъ Агасферѣ, этомъ великомъ пѣснопѣиіи примиренія. «Я хочу, — сказалъ онъ какъ бы довѣрительно отцу Іоанну, — чтобы вы знали, что остается послѣ меня. Я началъ писать одну вещь, она еще не кончена. Я писалъ ее уже слѣпымъ. Это блуждающій жидъ въ христіанскомъ духѣ. Это твореніе — моя лебединая пѣснь, оно заключаетъ въ себѣ послѣднюю идею моей жизни».

Жуковский говорилъ отцу Іоанну о своихъ дѣтяхъ и сказалъ радостно: «Представьте себѣ, они плакали, когда я имъ рассказывалъ о Послѣдней Вечери и о молитвѣ въ Гефсиманскомъ саду Господа нашего...»

Онъ мужественно боролся съ чувствомъ страха смерти и сказалъ доброму, вѣрному помощнику своему, священнику: «Я не боюсь смерти. Я готовъ похоронить мою жену и дѣтей, я знаю, что я передамъ ихъ Богу. Но мысль, что я долженъ самъ уйти и оставить ихъ здѣсь, чувство одиночества причиняетъ мнѣ боль».

Въ пятницу онъ спалъ нѣсколько часовъ, потомъ позвалъ дочь и сказалъ: «Пойди скажи мамѣ, что я теперь въ Ноевомъ ковчегѣ и высылаю перваго голубя — вѣру мою, второй голубь мой — терпѣніе». Позже, вечеромъ, онъ сказалъ своей тещѣ: «Теперь остается только

борьба тѣла, душа уже совсѣмъ готова». Затѣмъ онъ опять заснулъ.

Вскорѣ послѣ полуночи, во второмъ часу утра, 12-го апрѣля, примиренная съ Богомъ и міромъ, кроткая, чистая душа поэта покинула его. Черезъ два дня онъ нашель мѣсто своего послѣдняго упокоенія на кладбищѣ града Бадень-Бадена.

Идея примиренія, которой была преисполнена вся жизнь писателя, нашла свое символическое отображеніе и во время его похоронъ. Отецъ Іоаннъ и римско-католическій деканъ города Бадень-Бадена, желавшій открыто засвидѣтельствовать свое уваженіе къ великому русскому писателю и истинному христіанину, шли плечо съ плечомъ за гробомъ Жуковскаго.

Позднѣе, 1-го августа 1852 года, останки Жуковскаго были перевезены въ Петербургъ старымъ слугою его Данииломъ Гольдбергомъ и торжественно погребены, согласно желанію царя Николая I, въ Александро - Невской Лаврѣ, рядомъ съ останками Карамзина.

Много поклонниковъ, друзей и знакомыхъ великаго писателя собралось на это печальное торжество. Всѣ присутствовавшіе, начиная съ престолонаслѣдника, — который собственноручно несъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями покойнаго писателя къ послѣднему мѣсту упокоенія гробъ своего воспитателя, — и кончая безымянными бѣдняками, были полны одинаковымъ чувствомъ любви и благодарности къ умершему. Не отсутствовалъ на этомъ торжествѣ ни одинъ значительный представитель тогдашней русской литературы.

За нѣсколько дней до смерти Жуковскій написалъ прощальное письмо своей женѣ. Она должна была получить его лишь послѣ его смерти. Письмо это гласило:

«Я знаю, что близится мой послѣдній часъ и потому пишу тебѣ нѣсколько словъ утѣшенія. Прежде всего, благодарю тебя стъ всего сердца за то, что ты стала моей женой. Время, прожитое мною въ нашемъ съ тобою союзѣ, было самымъ счастливымъ и лучшимъ временемъ моей жизни. Несмотря на много печальныхъ миговъ, зависѣвшихъ отъ внѣшнихъ причинъ или проистекшихъ по нашей собственной винѣ, и безъ которыхъ не обходится ни одна человѣческая жизнь, ибо они служатъ полезнымъ испытаніемъ для людей, — я былъ счастливъ... Я узнавалъ цѣну жизни и становился все тверже въ своемъ стремленіи достигъ ея цѣли, то есть стать послушнымъ Волѣ Божьей. Этимъ я обязанъ тебѣ... Ты будешь плакать, что утратила меня, однако, не впадай въ отчаянье. Власть любви равна власти смерти. Нѣтъ разлуки въ Царствѣ Божьемъ. Я думаю, что я къ тебѣ ближе теперь, чѣмъ былъ до смерти. Твердо вѣрь въ это и не смущай мира моей души, не волнуйся, сохраняй душевный покой, и твои радости и страданія будутъ моими и тамъ еще гораздо больше, чѣмъ въ этой земной жизни. Имѣй вѣру въ Бога и заботься о нашихъ дѣтяхъ... Благословляю тебя, думай обо мнѣ безъ печали и утѣшай себя въ моемъ отсутствіи мыслью, что я каждую минуту неразлученъ съ тобой и что я раздѣляю съ тобой все, что происходитъ въ твоей душѣ».